

Н. А. МИТРОХИН

Анархо-синдикализм и оттепель

История эта началась осенью 1957 г., когда на третьем курсе дневного отделения исторического факультета МГУ образовалась небольшая студенческая группа. Ее неформальным лидером безусловно являлся Анатолий Михайлович Иванов (1935 г. р.). Ироничный сын московских учителей, он выделялся своими лингвистическими способностями (на студенческих вечеринках пел на французском языке, что-нибудь из репертуара Ива Монтана) и тем, что он не был членом ВЛКСМ. Двое других членов группы — Владислав Краснов (1937 г. р.) и Владимир Николаевич Осипов (1938 г. р.) тоже были люди известные: первый — бывший комсомольский секретарь курса (Иванов называл его «сатаной, спустившимся с божественной горы»), второй — активный участник поездок «на целину», имевший кучу приятелей. Близки к кружку были еще двое студентов — Юрий Сорокин (1937 г. р.) и Юрий Зубков (1937 г. р.).

Разные люди учились на курсе, разные группки они создавали — были объединения отслуживших в армии, иностранцев, детей московской научной интеллигенции. Но группа Иванова отличалась ото всех — вокруг ее идейного лидера объединились студенты, относившиеся к «соввласти» мягко говоря критически.

Еще в конце 1956 г. разочаровавшийся в марксизме Осипов и Иванов, отринувший коммунистическую идеологию еще подростком, занялись, отдельно друг от друга, подыскиванием идейной и теоретической базы под свои «антимарксистские» убеждения. Осипов нашел себя в ницшеанстве (до середины 60-х дореволюционные издания Ницше на русском языке можно было спокойно заказать в читалке Исторической библиотеки). <...>

Иванов пошел другим путем. Читая в той же Историчке труды по этнографии и лингвистике, он наткнулся на работы Бакунина и начал штудировать их, видя перед собой прекрасный образчик критики Маркса. Позднее, однако, он уже мог цитировать Бакунина страницами и «заразил» анархо-синдикализмом примкнувшего к компании Осипова.

Сформировавшаяся группа «клеветников» повела атаку на догматику высшей школы. Много читали, агитировали однокурсников, писали доклады: 25 декабря 1957 г. на семинаре по истории КПСС Осипов прочитал свой доклад «Роль комитетов бедноты в преобразовании деревни». В докладе он «с антимарксистских» позиций подверг критике политику РКП (б) в деревне, за что был резко осужден руководителем семинара. Позднее он написал доклад для этого семинара однокурснику. Тема — «Декрет о земле». Смысл тот же, что и в предыдущем.

Осенью 1957 г. на истфаке случилось ЧП. Руководство бюро ВЛКСМ было арестовано по обвинению в создании антисоветской организации — так началось знаменитое «дело Краснопевцева». На факультете началась масштабная чистка — выгоняли стилияг и неблагонадежных. Под горячую руку попался и Иванов, никого из арестованных не знавший. Ему припомнили тост, сказанный в узком кругу на 7 ноября: «Выпьем за елико возможно меньшее число грядущих годовщин». 28 декабря 1957 г. состоялось комсомольское собрание, на котором было заявлено: «Пока на факультете не переведутся Ивановы — не перестанут плодиться Осиповы». Иванов был изгнан (после настоятельных просьб родителей его восстановили на заочном отделении), а Осипова отстояли друзья: «Свой человек, исправится».

Первая половина 1958 г. для Осипова и Иванова прошла спокойно, а 30 июля случилось знаменательное для студенческой Москвы того времени событие: был открыт памятник Маяковскому¹. После церемонии открытия памятника официальные и неофициальные поэты почитали свои стихи, около них постояла удивленная этим зрелищем толпа, и многим это настолько понравилось, что они договорились встретиться здесь же через неделю. Так началась ставшая уже легендарной «площадь Маяковского» — центр оппозиционной студенческой молодежи 1958–1962 гг.

Иванов узнал о собраниях на площади вскоре после открытия памятника и вместе с приехавшим в очередной раз с целины Осиповым стал регулярно навещать туда, вербуя «антисоветски

настроенную» молодежь. К октябрю 1958 г. уже сложился кружок, в него вошли: Иванов, Осипов, Анатолий Иванович Иванов (по кличке Рахметов, 1933 г. р.), поэт и переводчик Александр Никифорович Орлов (псевдоним Нор, 1932 г. р.), Евгений Щедрин (1939 г. р.), Татьяна Герасимова. Кружок в основном собирался в московском районе — Рабочий поселок на квартире Рахметова. Читали доклады (в частности, Иванов прочел свою работу «Рабочая оппозиция» и диктатура пролетариата), спорили, начали собирать материалы для издания литературного журнала.

В конце 1958 г. собрания кружка прекратились — 20 декабря 1958 г. у Анатолия Михайловича Иванова прошел обыск по делу об изготовлении и распространении антисоветской литературы. На обыске была изъята рукопись «Рабочей оппозиции»...» (в работе Иванов противопоставлял два направления в социализме — одно нехорошее и неправильное, идущее от Маркса и Ленина, другое ему противостоящее, идущее от Бакунина через «рабочую оппозицию» Шляпникова и Коллонтай² к югославским «рабочим советам»³ и венгерской революции 1956 г.⁴).

Оказалось, что еще в начале 1958 г. Иванов через Осипова познакомился с молодым поэтом, дипломником Московского Энергетического Института Игорем Васильевичем Авдеевым (1934–1991). Авдеев попросил Иванова написать статью о «деле Краснопевцева», хотя тот знал о нем только по слухам. Авдеев хотел показать статью своим приятелям и пользоваться ею в дальнейшем в качестве агитационного материала. Иванов статью под названием «Ждущим» написал, поставил под ней псевдоним — «Манулин», и Авдеев увез ее с собой в город Сталинск-Кузнецкий (ныне Новокузнецк). Там он быстро попал в поле зрения местного КГБ, 5 декабря 1958 г. у него провели обыск, нашли статью Иванова, узнали у Авдеева, кто ее автор, и передали все материалы по делу в Москву.

Через месяц после обыска, 31 января 1959 г. Иванова прямо из зала Исторички увезли на Лубянку. Осипов, узнавший об аресте друга с опозданием, 9 февраля 1959 г. выступил перед курсом с протестом против действий КГБ, за что в тот же день был исключен из комсомола и университета. 5 мая 1959 г. состоялся суд над Авдеевым, и тот на шесть лет был послан в мордовские политлагеря в помощь деревообрабатывающей промышленности. Иванов на суде не присутствовал — он был признан невменяемым (помогло то, что в свое время он через психушку откосил от армии — это в середине 50-х было так же модно, как и сейчас)

и отправлен для лечения в Ленинградскую спецпсихбольницу. В психушке Иванов времени даром не терял — заводил полезные знакомства среди таких же как и он «политпсихов» — студенческой молодежи из разных городов, украинских националистов. Вскоре — в августе 1960 г. он был освобожден.

Выйдя на свободу, он обнаружил, что молодежное движение на площади Маяковского, возникшее в 1958 г. и затухшее было в 1959, — возродилось. Вновь по выходным у памятника «тусовались» студенты и молодые рабочие, вновь самостоятельные поэты читали свои стихи, а добровольные чтецы-декламаторы озвучивали забытых и запрещенных поэтов «серебряного века», Ахматову, Пастернака.

К октябрю 1960 г. вокруг Иванова (он получил кличку «Новогодний») и Осипова (он тогда взял себе конспиративную кличку «Скворцов») сложилась плотная компания «заводил «Маяка»»: Иванов-Рахметов, Виктор Хаустов, Эдуард Самуилович Кузнецов (1939 г. р.), студент плехановского института Вячеслав Константинович Сенчагов (1940 г. р.), Юрий Тимофеевич Галансков (1939 г. р.), поэты Аполлон Шухт, Анатолий Щукин, Виктор Вишняков (псевдоним Ковшин). Эти люди постоянно приходили к памятнику, приглашали и приводили своих знакомых, ограждали поэтов и чтецов от бухих работяг и комсомольских оперотрядовцев. Словом, «держали» место.

Довольно быстро в этой пестрой компании стало заметно деление на две группы — «политиков» и «поэтов». Политики хотели оформить людей с «площади Маяковского» в некое оппозиционное движение, «поэты» — предпочитали заниматься чистым искусством.

Идеологической базой «политики» выбрали «анархо-синдикализм». Во все той же Исторической библиотеке Иванов и Осипов нашли свободно выдававшиеся книги Ашера Делеона «Рабочие Советы в Югославии»⁵, французского анархо-синдикалиста Жоржа Сореля «Размышления о насилии», Бакунина «Государственность и анархия», Каутского «Против Советской России». Основным «толкователем» текстов был безусловно Иванов, но и Осипов старался от него не отставать — брал на себя все организаторские функции.

Зимой 1960–61 гг. нередко были собрания «маяковцев» на частных квартирах — обычно это происходило в ночь с субботы на воскресенье. Собирались большими компаниями, спорили, читали

стихи. В некоторые такие собрания члены кружка Иванова-Осипова (в который входили также Кузнецов, Хаустов, Сенчагов и, отчасти, Галансков) пытались использовать для агитации и пропаганды — читали доклады по советской истории, выступали с речами. Однако, редко, когда эти выступления воспринимались всерьез, основной массе слушателей были больше по душе стихи.

Особенно активную деятельность члены кружка развернули летом 1961 г. 28 июня Осипов представил приятелям свою программу создания подпольной антиправительственной организации анархо-синдикалистского толка. Программа была написана в единственном экземпляре и зачитана Иванову, Кузнецову, Хаустову, Сенчагову и представителю Галанскова Анатолию Викторову в Измайловском парке. После обсуждения программы текст ее был тут же сожжен. Сейчас Осипов считает, что после прочтения программы собравшиеся сочли себя членами единой группы.

В это же время в городах Муром (30 июня) и Александров (9 июля) Владимирской области прошли народные волнения (связанные с «беспределом», творимым милицией) — толпы штурмовали здания городских управлений внутренних дел. На площади Маяковского о событиях в Муроме узнали почти сразу. Было решено отправить экспедицию и написать об этом листовку. Кузнецов и Сенчагов съездили в Муром за сведениями и там же узнали об аналогичных событиях в Александрове. Вскоре Осипов, Кузнецов и Хаустов также съездили в Александров — расспрашивали очевидцев. Однако листовка так и не была составлена.

6 октября Осипов, Иванов и Кузнецов были арестованы по т[ак]. н[азываемому]. «делу Бокштейна». Илья Вениаминович Бокштейн (1937 г. р.) был личностью на площади Маяковского известной — как очень неплохой поэт и человек с некоторыми «странностями». Например, он агитировал против советской власти любого, кто соглашался его слушать — даже бойцов комсомольских оперотрядов. В конце концов он был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде. Однако на первых же допросах Осипова, Иванова и Кузнецова кроме «антисоветчины» всплыло и другое — следователи стали расспрашивать арестованных о подготовке теракта — плане убийства Хрущева или проекте «Космонавт».

Еще в 1959 г. в Ленинградской психушке Иванов познакомился с политпсихом Виталием Ременцовым (1935 г. р.). Этот человек с неясной биографией, представлявший то бывшим моряком, то сотрудником «органов», пострадавшим за свои либеральные

убеждения, считал, что ему необходимо убить Хрущева, чтобы затем выступить на открытом процессе и разоблачить преступления сталинизма, пока народу не «заткнули рот кукурузой». После психушки Иванов продолжал поддерживать с ним отношения, хотя и посмеивался над его планами.

Однако позднее мнение Иванова о терроре изменилось. Летом 1961 г. он предложил Осипову, Кузнецову, Хаустову и Галанскову подумать над следующей идеей — Хрущев ведет внешнюю политику, направленную на эскалацию войны, и тут возможен «Гаврила Принцип* наоборот» — т. е. убийство Хрущева повлечет за собой предотвращение войны. Идея была воспринята всерьез. Кузнецов даже пытался устроиться почтальоном вблизи правительственной трассы по Ленинскому проспекту, чтобы выбрать «место». Кроме того Кузнецов и Хаустов нашли человека, у которого хранилась мелкокалиберная винтовка, и договорился с ним о ее заимствовании в случае необходимости (правда не стал объяснять, зачем она ему может понадобиться)**.

Однако в проекте, который даже не начал как следует раскрываться, сразу обнаружился прокол — Галансков, поддержавший поначалу инициативу, передумал и стал вести закулисную игру против главного «экстремиста» Иванова. Предполагалось оказать давление на Осипова, чтобы тот отказался от опасной затеи, а самого Иванова физически изолировать на время XXII съезда КПСС (17–31 октября 1961 г.).

Кое-что Галансков успел даже предпринять: в конце сентября на очередной вечеринке известный ныне диссидент, а тогда еще совсем молодой человек Владимир Константинович Буковский (1942 г. р.) гипнотизировал пьяного Осипова, а Галансков начал задавать ему вопросы о подготовке теракта. Но тот молот что-то настолько несвязное, что от него отстали. Через неделю Осипова, Иванова и Кузнецова арестовали. Оказалось, что все свои планы Галансков обсуждал с Буковским и Анатолием Щукиным. Щукин в свою очередь, поделился со своим бывшим одноклассником и другом Сенчаговым, а тот, испугавшись (до него

---

* Гаврила Принцип — террорист, убивший в 1914 г. в Сараево эрцгерцога Фердинанда, что стало формальным поводом для начала Первой мировой войны.

** *Хейфец М.* Русский патриот Владимир Осипов / прим. А. Кузнецова // *Континент.* 1981, № 27. С. 212–213.

информация дошла в виде слуха «Иванов и Осипов хотят взорвать съезд»), пошел за советом к своему старшему товарищу, специалисту по Латинской Америке Киву Майданнику, отцу известного ныне рок-критика Артема Троицкого. Либерально настроенный коммунист Майданник, по словам Сенчагова, и посоветовал ему написать обо всем в КГБ, что тот и сделал. Про донос Сенчагова выяснилось в ходе следствия — арестованы были только те, кого он обвинил в экстремизме — «экстремистам» противопоставлялись хорошие ребята, которые занимались изучением поэзии — Иванов-Рахметов, Щукин, Шухт, Галансков и другие. КГБ этот донос был чрезвычайно выгоден — можно отчитаться перед ЦК о разоблачении террористической группы прямо перед съездом, а заодно прихлопнуть поэтическую вольницу на площади Маяковского.

На следствии подельники повели себя по разному: Осипов и Кузнецов поначалу «уперлись рогом», Бокштейн ни от чего не отказывался — но ему вменялась лишь чистая антисоветская пропаганда, которая к тому же была подтверждена двумя десятками заявлений комсомольских оперов, которых он пытался разагитировать. А вот Иванов сразу занял позицию — «я псих, за себя не отвечал» и начал давать показания. По его показаниям следствию удалось принудить к признанию и Осипова с Кузнецовым. Параллельно прошли обыски и допросы большого числа «маяковцев» — кто-то начал давать показания (Иванов-Рахметов), кто-то держался (Хаустов, Мотобрицева). Галансков на время попал в психушку, а Буковский ушел в бега и полгода не появлялся в Москве. Воспользовавшись случаем, власти закрыли «Маяк» раз и на всегда.

Конечно, КГБ не интересовали идеологические мотивы действий группы — им хотелось доказать лишь то, что действия арестованных молодых людей можно им инкриминировать по трем статьям [УК СССР] — 70 (антисоветская пропаганда), 72 (групповая антисоветская пропаганда) и террор. Основное время следствия заняло доказательство фактов антисоветской пропаганды (в том числе подготовки к печатанию листовок о событиях в Муроме и Александрове), «организации антисоветских сборищ на площади Маяковского». Тема террора почти не всплывала, тем более, что Осипов с Кузнецовым опровергали факты. Однако Иванов «пожертвовал» Ременцовым, о роли которого в подготовке «теракта» из арестованных мог рассказать только он, и обвинения попали в суд.

На скамье подсудимых по этому делу в итоге оказалось трое — Осипов, Кузнецов и Бокштейн. Иванов и свежearестованный Ременцов, у которого при аресте нашли заготовленные листовки, были в очередной раз признаны институтом им. Сербского⁶ психами, судимы закрытым судом и отправлены по спецпсихушкам (Иванов — в Казанскую). Осипов с Кузнецовым получили по 7 лет, Бокштейн — 5 и были отправлены в мордовские политические лагеря, чтобы под воздействием лагерного климата из анархо-синдикалистов стать верующими националистами. Меняются времена, меняются люди.

